

DOI: <https://doi.org/10.47344/mb9nks55>

MPHTI: 10.79.01

Виктимблейминг как фактор нарушения прав потерпевших: правовые и социальные аспекты

Аманлык Гулимов¹, Аружан Төрехан^{2*}¹Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Нукус, Узбекистан²Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре, Астана, Казахстан*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена виктимблеймингу — возложению ответственности за преступление на пострадавшего — в социальных сетях и его влиянию на реализацию прав потерпевших в уголовном процессе. Актуальность обусловлена ростом влияния цифровых платформ на восприятие резонансных уголовных дел и отсутствием в казахстанской литературе системного правового анализа этого явления. Работа выполнена как доктринальное и сравнительно-правовое исследование, дополненное междисциплинарным анализом научной литературы. Рассмотрены психологические механизмы виктимблейминга (гипотеза справедливого мира, мифы об изнасиловании, эффект онлайн-растормаживания) и его связь с вторичной виктимизацией. Виктимблейминг разграничен с оценочными суждениями, распространением порочащих сведений, оскорблением и клеветой; проанализированы нормы УК, КоАП, ГК и УПК Республики Казахстан. Казахстанское регулирование сопоставлено с Директивой 2012/29/ЕС, Регламентом ЕС о цифровых услугах, практикой Европейского суда по правам человека, а также с опытом Республики Узбекистан и других государств СНГ. Установлено, что действующие нормы охватывают лишь те формы виктимблейминга, которые отвечают признакам оскорбления, клеветы или нарушения неприкосновенности частной жизни, и требуют установления конкретного автора высказывания, что затрудняет защиту от массового анонимного обвинения. Сформулированы предложения по совершенствованию УПК РК, законодательства об онлайн-платформах и практики органов прокуратуры.

Ключевые слова: виктимблейминг; права потерпевших; вторичная виктимизация; социальные сети; уголовный процесс

Введение

Развитие социальных платформ и цифровых медиа кардинально изменило то, как общество узнаёт о преступлениях и реагирует на них. Если ранее информация о правонарушении доходила до ограниченного круга лиц — семьи, соседей, местного сообщества, — то сегодня практически любой резонансный случай становится предметом открытого обсуждения тысяч, а иногда и миллионов пользователей. В этой публичной дискуссии наряду с сочувствием к пострадавшему всё чаще звучит и обратная реакция — виктимблейминг (от англ. victim blaming — «обвинение жертвы»), то есть перенос ответственности за совершённое преступление на самого пострадавшего: на его поведение, внешний вид, образ жизни, решения, принятые до или во время правонарушения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-

первых, виктимблейминг перестал быть маргинальным явлением бытового общения и приобрёл системный, массовый характер именно благодаря архитектуре социальных платформ: алгоритмы, поощряющие эмоционально заряженный контент, комментарии без модерации и анонимность пользователей создают среду, в которой обвинение жертвы распространяется быстрее и охватывает более широкую аудиторию, чем сама информация о преступлении (Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018). Во-вторых, виктимблейминг не является безобидной формой общественной дискуссии: согласно исследованиям в области виктимологии, публичное обвинение пострадавшего усиливает вторичную виктимизацию — причинение ему дополнительного психологического вреда уже после самого преступления, на этот раз со стороны общества, правоохранительной системы или медиа (Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002; Campbell, 2008). В-третьих, для правовой системы Республики Казахстан вопрос имеет практическое значение: потерпевший обладает процессуальными правами, гарантированными Уголовно-процессуальным кодексом РК, однако правовые механизмы защиты чести и достоинства (ст. 131 УК РК «Оскорбление», ст. 73-3 КоАП РК «Клевета») по своей конструкции охватывают лишь отдельные формы виктимблейминга в онлайн-пространстве, а практика их применения к высказываниям о пострадавших в казахстанской литературе не изучена. Тем самым сохраняется значительный разрыв между декларируемой защитой прав пострадавших и её практической реализацией — особенно на фоне того, что Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 15 марта 2026 года и вступившая в силу 1 июля 2026 года, усилила гарантии достоинства личности, неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных.

Исследовательский вопрос. В какой мере нормы действующего законодательства Республики Казахстан по своей конструкции охватывают различные формы виктимблейминга в социальных сетях и какие правовые меры, в том числе с учётом опыта государств СНГ и международных стандартов, способны снизить связанный с ним риск вторичной виктимизации пострадавших?

Цель статьи — провести правовой и социальный анализ виктимблейминга в социальных сетях как фактора вторичной виктимизации пострадавших, определить, какими правовыми инструментами располагает Республика Казахстан для защиты их прав в этом контексте, сопоставить их с международными стандартами и опытом государств СНГ, прежде всего Республики Узбекистан, и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Основной аргумент работы заключается в том, что виктимблейминг в социальных сетях представляет собой не только этическую, но и юридически значимую проблему: он способен причинять пострадавшему самостоятельный вред, в отдельных своих формах соприкасается с составами, защищающими честь и достоинство личности, и должен рассматриваться правоприменительными органами и институтами (прокуратурой, судом, службами поддержки пострадавших) как фактор, требующий проактивного реагирования, а не как «естественная» реакция общественности.

Далее в статье последовательно рассматриваются: психологические механизмы виктимблейминга (гипотеза справедливого мира М. Лернера, мифы об изнасиловании), его проявления в цифровой среде, институциональные формы и исследовательский пробел применительно к казахстанскому контексту (раздел «Анализ научных подходов и исследовательский пробел»); методология исследования, основанная на доктринальном и сравнительно-правовом анализе (раздел «Методологическая основа исследования»); разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий, результаты анализа

законодательства РК и его сопоставление с международными стандартами, практикой ЕСПЧ, а также с опытом Республики Узбекистан и других государств СНГ (раздел «Результаты проведённого анализа»); обсуждение и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики (раздел «Обсуждение результатов и практические предложения»); итоговые выводы и направления дальнейших исследований (раздел «Заключение»).

Анализ научных подходов и исследовательский пробел

Психологические механизмы обвинения потерпевшего

Сам термин «обвинение жертвы» (blaming the victim) ввёл в научный оборот американский психолог У. Райан, который в одноимённой книге критиковал распространённую практику объяснять социальные проблемы недостатками самих пострадавших, а не структурными причинами (Ryan, 1971). Фундаментальное психологическое объяснение этого феномена американский социальный психолог Мелвин Лернер в теории веры в справедливый мир (just-world hypothesis). Согласно Lerner (1980), люди психологически нуждаются в вере в то, что мир устроен справедливо и каждый получает то, что заслуживает. Когда эта вера сталкивается со свидетельством незаслуженного страдания невинного человека, наблюдатель испытывает когнитивный диссонанс, который разрешается одним из двух способов — либо реальной помощью жертве, либо переоценкой ситуации так, чтобы жертва оказалась частично ответственной за произошедшее. Именно второй, более простой путь чаще реализуется в анонимной и эмоционально дистанцированной среде социальных сетей, где у комментирующего нет ни возможности, ни мотивации оказать реальную помощь.

Экспериментальную основу этой теории заложило исследование Lerner и Simmons (1966): участники, наблюдавшие за человеком, который якобы получал болезненные удары током, и не имевшие возможности прекратить его страдания, оценивали «жертву» ниже, чем те, кто мог ей помочь. Обзор Hafer и Bègue (2005), обобщивший несколько десятилетий экспериментальных работ, подтвердил, что склонность обесценивать невинную жертву усиливается именно тогда, когда наблюдатель не может восстановить справедливость иным способом. Более поздние работы уточнили, от чего зависит интенсивность обвинения. Niemi и Young (2016) показали, что приверженность так называемым «связующим» ценностям (лояльность, послушание, «чистота») предсказывает склонность видеть в жертве ответственного за произошедшее, а смещение языкового фокуса с жертвы на преступника в описании события снижает уровень обвинения. Harber, Podolski и Williams (2015) установили, что наблюдатели, находящиеся в состоянии эмоционального напряжения, обвиняют жертву сильнее, а возможность выговориться (эмоциональное раскрытие) снижает эту реакцию. Для правоприменителя последние два вывода имеют прямое практическое значение: формулировки официальных сообщений влияют на то, насколько общество склонно обвинять пострадавшего.

Последующие эмпирические исследования детализировали этот механизм применительно к преступлениям против личности, прежде всего к сексуальному насилию. Понятие «мифов об изнасиловании» (rape myths) — широко распространённых ложных убеждений, оправдывающих насилие и перекладывающих вину на жертву, — ввела Burt (1980); Lonsway и Fitzgerald (1994) систематизировали его содержание и методы измерения.

Метаанализ Suarez и Gadalla (2010), охвативший 37 исследований, показал устойчивую связь между принятием таких мифов, враждебными установками в отношении женщин и оправданием насилия. Обзор Grubb и Turner (2012) выявил, что характеристики самой жертвы (употребление алкоголя, стиль одежды, поведение до нападения) систематически используются наблюдателями как основание для приписывания ей ответственности, несмотря на отсутствие причинно-следственной связи между этими характеристиками и виновностью преступника. Van der Bruggen и Grubb (2014) предложили таксономию «латентных» и «явных» мифов, позволяющую различать открытое обвинение («сама виновата») и скрытые формы сомнения в достоверности слов пострадавшей.

Цифровая среда как усилитель виктимблейминга

Особенности онлайн-коммуникации объясняют, почему социальные сети не просто воспроизводят, а усиливают обвинение жертвы. Suler (2004) описал эффект онлайн-растормаживания (online disinhibition effect): анонимность, невидимость собеседника и отсутствие немедленной обратной связи снижают внутренние ограничители и повышают вероятность грубых и категоричных высказываний. Brady и соавторы (2017), проанализировав более полумиллиона сообщений в Twitter на остро дискуссионные темы, установили, что каждое дополнительное морально-эмоциональное слово в сообщении увеличивало вероятность его распространения примерно на 20%. Тем самым алгоритмическая логика платформ, ориентированная на вовлечённость, объективно благоприятствует эмоционально заряженным обвинительным комментариям.

Прямое подтверждение этому получено в исследованиях, посвящённых именно виктимблеймингу. Stubbs-Richardson, Rader и Cosby (2018), проведя качественный контент-анализ твитов о трёх резонансных делах о сексуальном насилии (включая дела в Стьюбенвилле и Торрингтоне), выявили, что пользователи, публиковавшие обвиняющие жертву сообщения, чаще получали ретвиты и имели больше подписчиков, чем пользователи, выражавшие поддержку пострадавшим. Citron (2014), анализируя онлайн-травлю, показала, что её жертвами непропорционально часто становятся женщины, а последствия — уход из публичного пространства, психологический вред, профессиональные потери — вполне сопоставимы с последствиями офлайн-преследования, что требует правового, а не только этического ответа.

Вторичная виктимизация как результат обвинения потерпевшего

Особое значение для юридического анализа имеет связь виктимблейминга с вторичной виктимизацией — причинением потерпевшему дополнительного вреда не самим преступлением, а последующей реакцией окружения, включая правоохранительные органы, медиа и общество в целом. Campbell и Raja (1999) на материале опроса специалистов, оказывающих помощь пострадавшим от сексуального насилия, показали, что обвиняющий или недоверчивый отклик институций способен причинить травматизацию, сопоставимую по интенсивности с самим преступлением. В обзорной работе Campbell (2008) обобщены данные о том, что негативный опыт взаимодействия с правовой и медицинской системами связан с усилением посттравматической симптоматики, а сами пострадавшие нередко описывают его как «второе изнасилование». Maier (2008) на основе интервью с адвокатами-консультантами пострадавших зафиксировала типичные формы такой ревиктимизации: вопросы о поведении и одежде, сомнения в достоверности показаний, отказ в регистрации заявления.

Не менее важны данные о влиянии неформальной, «бытовой» реакции окружения.

Ullman (1996) установила, что негативные социальные реакции на раскрытие факта насилия (обвинение, неверие, попытки контроля) связаны с более тяжёлыми последствиями для психологической адаптации пострадавших и с усилением самообвинения. Ahrens (2006) показала, что негативная реакция первых собеседников нередко приводит к тому, что пострадавшие полностью прекращают рассказывать о случившемся, а значит, не обращаются и в полицию. Orth (2002), исследуя переживания потерпевших в ходе уголовного процесса, подтвердил, что субъективное восприятие несправедливого или обвиняющего отношения со стороны участников процесса коррелирует с ухудшением психологического состояния независимо от исхода дела. Herman (2005), обобщив интервью с пострадавшими, пришла к выводу, что для них ключевое значение имеют не столько суровость наказания, сколько публичное признание причинённого вреда и отказ общества от обвинения жертвы. Перенос этих выводов в контекст социальных сетей логичен: публичный, тиражируемый и постоянно доступный характер обвиняющих комментариев делает вторичную виктимизацию не единичным эпизодом, а растянутым во времени процессом, от которого пострадавший практически не может защититься самостоятельно.

Виктимблейминг в русскоязычной научной литературе

В постсоветской литературе, близкой к казахстанскому контексту по языку и правовой традиции, виктимблейминг изучен значительно меньше, чем в англоязычной. Традиционно отечественная виктимология концентрировалась на виктимном поведении самой жертвы как одном из факторов механизма преступления (Христенко, 2004), что при некорректной интерпретации рискует смещаться в сторону возложения на пострадавшего ответственности за произошедшее. Лофиченко и Колесник (2018) рассматривают виктимблейминг как социокультурное явление современного российского общества, а Майдикова (2019) — как проблему, непосредственно затрагивающую положение жертв преступлений. Социально-психологические основания обвинения жертвы, связанные с межгрупповыми установками и атрибуцией ответственности, анализируются в работах по психологии межгрупповых отношений (Гулевич, 2017). Социально-правовой аспект проблемы раскрывается в исследованиях домашнего насилия (Ершова & Айвазова, 2013) и в дискуссии о декриминализации побоев в Российской Федерации, где авторы связывают смягчение уголовно-правовой реакции с устойчивыми патриархальными традициями и терпимостью общества к насилию в семье (Ворошилова & Музыканкина, 2019). Эти работы свидетельствуют о том, что для постсоветского пространства характерны сходные культурные установки, однако в них, как и в казахстанской литературе, практически не рассматривается онлайн-измерение виктимблейминга и его соотношение с процессуальными правами потерпевшего.

Специфика казахстанского правового контекста

В Республике Казахстан специализированные эмпирические исследования виктимблейминга в социальных сетях остаются немногочисленными, что само по себе указывает на пробел в отечественной юридической и социологической литературе. Имеющиеся материалы казахстанских правозащитных организаций (в частности, ресурсного центра drfl.kz) фиксируют распространённость обвиняющих реакций в комментариях к резонансным делам о бытовом и сексуальном насилии, но носят преимущественно описательный характер и не сопровождаются системным правовым анализом того, какие инструменты действующего законодательства применимы к подобным ситуациям.

Самостоятельного рассмотрения требует трансформация уголовно-правовой защиты чести и достоинства: клевета (ранее — ст. 130 УК РК) была декриминализована Законом РК от 27 июня 2020 года и переведена в разряд административных правонарушений (ст. 73-3 КоАП РК), тогда как оскорбление (ст. 131 УК РК) сохраняет статус уголовно наказуемого деяния; норма действует по состоянию на 2026 год в редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 94-VIII. Эта асимметрия — при том что виктимблейминг по своей юридической природе чаще ближе к оскорблению или распространению порочащих сведений, чем к классической клевете, — не получила отражения в казахстанской академической литературе применительно к защите пострадавших от вторичной виктимизации в онлайн-пространстве.

Показательным примером сосуществования виктимблейминга и институциональной реакции на него служит широко освещавшееся дело об убийстве Салтанат Нукуновой, в котором обвиняемым выступил её супруг Куандык Бишимбаев. Наряду с волной сочувствия наблюдалось значительное число публичных высказываний, ставивших под сомнение поведение потерпевшей и фактически перекладывавших на неё часть ответственности за произошедшее (factcheck.kz, 2024). Одновременно именно этот резонансный случай ускорил принятие 15 апреля 2024 года так называемого «Закона Салтанат» — Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», усилившего ответственность за бытовое насилие и вступившего в силу в июне 2024 года (informburo.kz, 2024). Этот пример демонстрирует, что обвинение жертвы в публичном пространстве может сосуществовать с одновременной законодательной реакцией на первопричину проблемы.

Адвокат Султан Сахариев обращает внимание на то, что за сами по себе виктимблеймские высказывания в казахстанском законодательстве не предусмотрено специальной ответственности: *de lege lata* такие комментарии, как правило, остаются вне сферы действия норм о защите чести и достоинства, пока не достигают порога оскорбления конкретного лица. Примерами публичных высказываний, которые наблюдатели расценили как виктимблейминг, послужили заявления депутатов Анаса Баккожаева и Жаркынбека Амантая (factcheck.kz, 2024). Масштаб проблемы подтверждается и статистикой МВД РК, согласно которой от 70 до 90 процентов пострадавших от бытового насилия не обращаются с заявлением в правоохранительные органы (данные за 2021 год) — показатель, который исследователи и правозащитники связывают в том числе со страхом общественного осуждения (informburo.kz со ссылкой на Human Rights Watch, 2024). Этот вывод согласуется с зарубежными данными о том, что негативная реакция окружения снижает готовность пострадавших обращаться за защитой (Ahrens, 2006; Ullman, 1996).

Медиа и институциональные формы виктимблейминга: сравнительный аспект

Как свидетельствуют зарубежные исследования, виктимблейминг не ограничивается стихийной реакцией анонимных пользователей, а воспроизводится и усиливается институционально — через средства массовой информации и работу самой системы уголовного правосудия. Thacker и Day (2017), анализируя освещение резонансного дела об изнасиловании в Стьюбенвилле (США), установили, что медиа систематически акцентировали внимание на биографии, алкогольном опьянении и «репутации» потерпевшей, одновременно выражая сочувствие обвиняемым, что закрепляет дихотомию «хорошей» и «плохой» жертвы. Поскольку для значительной части аудитории медиа остаются основным источником представлений о преступности, подобные фреймы формируют восприятие виктимблейминга как социально приемлемой реакции.

Более того, виктимблейминг проявляется и внутри системы уголовного правосудия: полиция, прокуроры, судьи и присяжные — как участники того же общества — демонстрируют скептицизм в отношении пострадавших от сексуального насилия, задают вопросы об их прошлом сексуальном поведении и алкогольном опьянении, что фактически переносит бремя доказывания добросовестности на саму жертву (Allison & Wrightsman, 1993, как цит. в Thacker & Day, 2017; Maier, 2008). Такая реакция сохраняется, несмотря на данные о том, что доля заведомо ложных заявлений об изнасиловании составляет лишь от 2 до 10 процентов (Lisak et al., 2010), то есть предположение о массовой недобросовестности пострадавших эмпирически не подтверждается. Самостоятельного рассмотрения требует практика назначения потерпевшим психологических экспертиз не столько для оценки причинённого вреда, сколько для проверки достоверности их показаний, что усиливает у пострадавших ощущение «повторного насилия» уже со стороны системы правосудия (Mazza, 2012, как цит. в Thacker & Day, 2017).

Применительно к Казахстану из этих данных следуют два вывода. С одной стороны, они свидетельствуют о том, что институциональный виктимблейминг — явление не специфически казахстанское, а структурное, свойственное системам уголовного правосудия в целом, что усиливает аргумент в пользу целенаправленной подготовки правоприменителей, а не точечного реагирования на отдельные случаи. С другой стороны, они обнаруживают неразработанное в отечественной литературе направление — эмпирическое изучение того, воспроизводится ли аналогичная динамика (вопросы потерпевшим об их поведении, одежде, состоянии опьянения) в казахстанской следственной и судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

Модерация цифрового контента и процедурные ограничения

Помимо материально-правового регулирования, отдельного анализа заслуживает архитектура самой цифровой среды. Для отдельных категорий контента — экстремистских и террористических материалов, детской порнографии, заведомо ложной информации, создающей угрозу общественному порядку, — законодательство Республики Казахстан и внутренняя политика крупных платформ предусматривают относительно оперативные механизмы блокировки или удаления. Комментарии, обвиняющие пострадавшего, такого специального режима не имеют. Формально они могут подпадать под общие нормы о защите чести и достоинства, но на практике их удаление требует либо индивидуального обращения самого пострадавшего к администрации платформы, что для человека в состоянии посттравматического стресса затруднительно, либо судебного разбирательства в отношении конкретного, установленного автора, что редко достижимо при множестве анонимных комментаторов.

Из этого структурного различия следует, что проблема не сводится к содержанию материально-правовых норм, а затрагивает и процедурно-технический уровень — отсутствие быстрого и доступного пострадавшему механизма реагирования на массовое обвиняющее комментирование, аналогичного механизмам для других категорий вредоносного контента. Ни один из действующих в Республике Казахстан нормативных актов не содержит специального механизма взаимодействия государственных органов с операторами социальных платформ применительно к виктимблеймингу и защите пострадавших. Для сравнения: в Европейском союзе Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах (Digital Services Act) обязывает платформы создать доступный механизм уведомления о незаконном контенте (ст. 16) и приоритетно рассматривать уведомления «доверенных сигнализаторов»

(trusted flaggers, ст. 22), к которым могут относиться и организации поддержки пострадавших. Таким образом, наряду с пробелом в материально-правовом регулировании существует и пробел в процедурном обеспечении защиты пострадавших на уровне платформ.

Исследовательский пробел

Сопоставление рассмотренных источников обнаруживает три взаимосвязанных пробела. Первый касается предмета исследований: психологическая и виктимологическая литература (Lerner, 1980; Hafer & Bègue, 2005; Suarez & Gadalla, 2010; Grubb & Turner, 2012; van der Bruggen & Grubb, 2014; Niemi & Young, 2016) убедительно описывает механизм и распространённость виктимблейминга, а русскоязычные работы (Лофиченко & Колесник, 2018; Майдикова, 2019) фиксируют его как социокультурное явление постсоветского общества, но ни те, ни другие не рассматривают его как объект правового регулирования в цифровой среде. Второй пробел имеет методологический характер: работы по вторичной виктимизации (Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002; Campbell, 2008) сфокусированы на институциональном взаимодействии (полиция, суд, медицинские учреждения), тогда как исследования цифровой среды (Suler, 2004; Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018) описывают механизмы распространения обвинения, но не оценивают применимые правовые средства защиты. Третий, ключевой для настоящей работы, пробел носит национально-правовой характер: применительно к правовой системе Республики Казахстан отсутствует работа, которая системно связала бы процессуальные права потерпевшего по УПК РК, действующее регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации (с учётом декриминализации клеветы), специфику цифровой среды как самостоятельного источника вторичной виктимизации и международные стандарты защиты пострадавших. Его восполнению и посвящена настоящая статья.

Методологическая основа исследования

Работа носит теоретико-прикладной характер и выполнена посредством доктринально-правового (doctrinal legal research) и сравнительно-правового методов, дополненных междисциплинарным анализом научной литературы на стыке права и социальной психологии. Статья позиционируется как доктринальное и сравнительно-правовое исследование: собственный эмпирический анализ публикаций в социальных сетях в её рамках не проводился. Выбор подхода обусловлен характером исследовательского вопроса: он требует не сбора первичных эмпирических данных, а системной интерпретации действующих правовых норм и их сопоставления с поведенческими закономерностями, установленными в зарубежной виктимологической литературе, и с международными стандартами защиты пострадавших.

Сбор и отбор источников. Первичный материал составили нормативные правовые акты Республики Казахстан: Конституция Республики Казахстан 2026 года в части защиты достоинства личности и неприкосновенности частной жизни, Уголовный кодекс РК (ст. 131 «Оскорбление»), Кодекс об административных правонарушениях РК (ст. 73-3 «Клевета»), Уголовно-процессуальный кодекс РК (ст. 71 — процессуальный статус потерпевшего), а также нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3. Для сравнительно-правового анализа использованы Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (ООН, 1985), Директива 2012/29/ЕС о минимальных стандартах прав, поддержки и защиты жертв преступлений, Директива (ЕС)

2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах, Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция, 2011), а также постановления ЕСПЧ по делам *Y. v. Slovenia* (2015), *J.L. v. Italy* (2021) и *Delfi AS v. Estonia* (2015). Для анализа опыта государств СНГ привлечены Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия», Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829, Уголовный кодекс и Кодекс об административной ответственности Республики Узбекистан, постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 года № 30, Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17, а также модельный закон МПА СНГ «О противодействии семейно-бытовому насилию» (2026). Вторичный материал включил рецензируемые публикации по виктимологии, социальной психологии и исследованиям цифровых медиа на английском языке, отобранные по критерию тематической релевантности (гипотеза справедливого мира, мифы об изнасиловании, вторичная виктимизация, обвинение жертвы в онлайн-пространстве) и цитируемости. Дополнительно использованы открытые казахстанские источники (разъяснения о декриминализации клеветы, материалы ресурсных центров по защите прав пострадавших от насилия).

Методы анализа. Применены: (1) формально-юридический анализ — толкование норм УК РК, КоАП РК, ГК РК и УПК РК с целью определения того, какие формы высказываний о пострадавших охватываются их признаками; (2) метод разграничения понятий — отграничение виктимблейминга как социально-психологического феномена от оценочных суждений, распространения порочащих сведений, оскорбления и клеветы; (3) сравнительно-правовой анализ — сопоставление правового статуса клеветы до и после декриминализации 2020 года, а также казахстанского регулирования с законодательством Республики Узбекистан и других государств СНГ, с международными и европейскими стандартами защиты пострадавших от вторичной виктимизации; (4) междисциплинарный синтез — сопоставление юридических норм с выводами социальной психологии и виктимологии для оценки того, насколько действующий правовой инструментарий соответствует реальному механизму причинения вреда. Доступные данные правоприменительной практики (статистика по делам об оскорблении, опубликованные результаты изучения судебной практики в Республике Узбекистан, материалы по резонансным делам) используются как иллюстративный материал и не претендуют на репрезентативность.

Ограничения метода. Исследование не включает собственного контент-анализа публикаций в социальных сетях, социологического опроса или сплошного изучения судебной и прокурорской практики. Поэтому его выводы касаются не эффективности правоприменения, а нормативной пригодности действующих норм, то есть их способности по своей конструкции охватывать различные формы виктимблейминга. Примеры обвиняющих высказываний заимствованы из опубликованных источников (factcheck.kz, 2024; drfl.kz) и приводятся исключительно в качестве иллюстраций. Оценка эффективности правовых механизмов требует анализа судебных актов, материалов прокурорского надзора и обращений потерпевших и составляет задачу отдельного эмпирического исследования. Зарубежные правовые акты и решения ЕСПЧ используются как сравнительный и ориентирующий материал: Республика Казахстан не является членом Совета Европы и участником Стамбульской конвенции, поэтому указанные стандарты не имеют для неё

обязательной силы. Законодательство государств СНГ проанализировано по состоянию на 2026 год на основе официальных текстов и открытых аналитических материалов.

Раскрытие использования ИИ. При подготовке рукописи авторы использовали инструмент на основе генеративного искусственного интеллекта (Claude, Anthropic) для сбора и предварительного обобщения открытых источников, подбора зарубежной литературы, структурирования текста, а также для проверки грамматики, стилистики и оформления ссылок по стилю APA. Все юридические выводы, интерпретация нормативных актов, выходные данные источников и итоговые формулировки проверены и утверждены авторами лично, которые несут полную ответственность за содержание рукописи в соответствии с рекомендациями COPE и редакционной политикой SDU Law Journal.

Результаты проведённого анализа

Разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий

Прежде чем оценивать применимость конкретных норм, необходимо развести понятия, которые в публичной дискуссии нередко смешиваются. Виктимблейминг не является правовой категорией: он не закреплён ни в УК РК, ни в КоАП РК, ни в гражданском законодательстве, и его автоматическое отождествление с правонарушением создавало бы риск расширительного толкования юридических норм. Для целей настоящего анализа выделяются пять категорий.

(а) *Виктимблейминг как социально-психологический феномен.* Это родовое понятие, обозначающее перенос ответственности за преступление на пострадавшего (Ryan, 1971; Lerner, 1980). Оно описывает направленность высказываний и их совокупный эффект, но само по себе не содержит признаков состава правонарушения и не может служить основанием юридической ответственности.

(б) *Оценочные и критические суждения о поведении потерпевшего.* Высказывания вроде «зачем она туда пошла» или «надо было думать раньше» выражают субъективное мнение, которое невозможно проверить на соответствие действительности. Такие суждения находятся под защитой конституционной свободы выражения мнения: даже будучи этически порицаемыми и травмирующими, они не образуют ни клеветы, ни оскорбления, если не выражены в неприличной форме. К этой категории относится основная масса виктимблеймющих комментариев.

(в) *Распространение порочащих сведений.* Речь идёт об утверждениях о фактах (например, о якобы аморальном поведении пострадавшей или о том, что заявление о преступлении подано ради выгоды), которые не соответствуют действительности и умаляют честь и достоинство лица. Критерием отграничения от категории (б) служит возможность проверить высказывание на истинность. Защита осуществляется в гражданско-правовом порядке (ст. 143 ГК РК) — путём опровержения сведений и компенсации морального вреда; осведомлённость автора о ложности сведений для этого не требуется.

(г) *Оскорбление (ст. 131 УК РК).* Состав образует унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме; публичное оскорбление, в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, квалифицируется по ч. 2 ст. 131 УК РК. Решающее значение имеет не содержание, а форма высказывания: суждение, негативное по смыслу, но корректное по форме, состава не образует. Дела данной категории относятся к делам частного обвинения и возбуждаются по жалобе потерпевшего.

(д) *Клевета (ст. 73-3 КоАП РК)*. Под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица. От категории (в) она отличается субъективным признаком — осознанием автором ложности сведений, от категории (г) — тем, что лицо порочится ложным фактом, а не неприличной формой выражения.

Самостоятельное значение имеет разглашение без согласия пострадавшего сведений о его частной жизни, в том числе позволяющих установить его личность, которое может образовывать состав нарушения неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных (ст. 147 УК РК) независимо от того, сопровождается ли оно обвиняющими оценками.

Из проведённого разграничения следует, что юридически значимыми являются лишь те формы виктимблейминга, которые одновременно отвечают признакам категорий (в)–(д) либо нарушают неприкосновенность частной жизни. Преобладающая часть обвиняющих высказываний относится к категории (б) и остаётся в пределах свободы выражения мнения. Следовательно, задача состоит не в конструировании нового состава «виктимблейминг», а в том, чтобы обеспечить реальную применимость существующих норм к высказываниям, отвечающим их признакам, и снизить вредный эффект правомерных, но травмирующих суждений процессуальными и организационными средствами.

Пределы действующего правового регулирования

Анализ действующего законодательства Республики Казахстан показывает, что специального состава «виктимблейминг» в уголовном или административном законодательстве не существует. Защита пострадавшего от публичного обвинения опосредуется тремя группами норм, каждая из которых охватывает лишь отдельные из выделенных выше категорий высказываний.

Первая группа — нормы о защите чести, достоинства и деловой репутации. Ст. 131 УК РК («Оскорбление») устанавливает уголовную ответственность за унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, — категория, под которую могут подпадать наиболее агрессивные комментарии в адрес пострадавших. Ст. 73-3 КоАП РК («Клевета») охватывает распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство, но с 27 июня 2020 года влечёт лишь административную ответственность (в действующей редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 95-VIII), что существенно снижает сдерживающий эффект нормы в быстротечной и анонимной среде социальных сетей. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3 «О применении судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации» исходит из того, что практика применения этих норм ориентирована на индивидуализированные случаи посягательства с установленным автором. Гражданско-правовая защита чести и достоинства (с правом на компенсацию морального вреда) остаётся доступной, но требует от пострадавшего самостоятельного обращения в суд, что в состоянии посттравматического стресса реализуется редко.

Доступные данные о практике применения ст. 131 УК РК свидетельствуют об ограниченности этого механизма даже в его прямой сфере. По опубликованным сведениям, за девять месяцев 2019 года было зарегистрировано 5 816 заявлений об оскорблении, тогда как приговоры вынесены лишь по 253 делам, из которых 93 обвинительных и 160 оправдательных (Русакова, 2020). Поскольку такие дела относятся к делам частного обвинения, бремя инициирования преследования и представления доказательств лежит на

самом потерпевшем, что для пострадавшего от тяжкого преступления, находящегося под давлением публичного обсуждения, существенно затрудняет защиту. Приведённые данные относятся к оскорблению в целом, а не к высказываниям о пострадавших, и используются лишь как ориентир.

Вторая группа — процессуальные гарантии по УПК РК. Ст. 71 УПК РК закрепляет за потерпевшим комплекс прав, включая право знать о ходе расследования, участвовать в следственных действиях, обжаловать действия и бездействие должностных лиц. Перечень этих прав продолжает расширяться: в частности, он дополнен правом на получение специальных социальных услуг в рамках законодательства о противодействии торговле людьми (Закон РК от 5 июля 2024 года № 111-VIII) и уточнён изменениями от 16 июля 2025 года № 210-VIII и от 11 июня 2026 года № 307-VIII. Однако эти гарантии регулируют отношения потерпевшего с органами, ведущими уголовный процесс по конкретному делу, и не распространяются на его взаимодействие с анонимными пользователями социальных сетей, которые участниками процесса не являются.

Третья группа — регулирование контента социальных платформ и деятельность правоохранительных органов. Здесь наблюдается наиболее выраженный пробел: законодательство не содержит специальных механизмов реагирования на массовое, распределённое между множеством анонимных пользователей обвинение жертвы. Правоприменительная реакция (возбуждение дел, внесение прокурором актов надзора, административное производство) возможна лишь в отношении конкретных, установленных авторов высказываний. Для иных категорий вредоносного онлайн-контента — экстремистских и террористических материалов, призывов к насилию, заведомо ложной информации, угрожающей общественной безопасности, — в казахстанском законодательстве выработаны относительно оперативные процедуры ограничения доступа к информации. Для контента, содержащего виктимблейминг, аналогичного механизма не существует: пострадавшему остаются лишь индивидуальная жалоба администрации платформы или гражданский иск к установленному автору. Закон РК от 10 июля 2023 года № 18-VIII «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» закрепил общее право пользователя обращаться к владельцу онлайн-платформы с жалобой на контент и действия других пользователей (ст. 11), однако не предусматривает для пострадавших от уголовных правонарушений ни приоритетного порядка рассмотрения таких жалоб, ни участия организаций поддержки пострадавших. Возможности прокурорского надзора также ограничены, поскольку прокуратура реагирует преимущественно на признаки конкретного правонарушения, а не на совокупный эффект множества формально малозначительных высказываний.

Сопоставление юридической и психологической картины

Сопоставление результатов правового анализа с психологическими данными выявляет структурное несоответствие: правовая система ориентирована на защиту от единичных, идентифицируемых актов посягательства, тогда как виктимблейминг, согласно теории справедливого мира и данным Grubb и Turner (2012), чаще проявляется как распределённая, кумулятивная практика множества участников, каждый из которых вносит небольшой, но в совокупности значимый вклад. Как установлено в исследованиях цифровой среды, этот кумулятивный эффект дополнительно усиливается алгоритмами распространения (Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018). Существующие составы (клевета, оскорбление) плохо приспособлены к такой диффузной виновности: отдельное высказывание может не достигать порога, необходимого для возбуждения дела, хотя совокупный эффект сотен

комментариев соответствует признакам вторичной виктимизации, описанным Campbell и Raja (1999) и Orth (2002).

Правоприменитель как средство предупреждения вторичной виктимизации

Там, где правовая норма не достигает источника обвинения, значимую роль играет правоприменительная практика: позиция следственных и прокурорских органов при допросе потерпевшего, формулировки процессуальных документов, тон публичных заявлений. Прокурор как участник уголовного преследования, обеспечивающий законность и обоснованность процессуальных решений, занимает особое место в предотвращении вторичной виктимизации: корректная формулировка вопросов к потерпевшему, отсутствие оценочных суждений о его поведении и своевременное разъяснение процессуальных прав способны частично компенсировать отсутствие специального законодательного регулирования. Данные Niemi и Young (2016) о том, что смещение языкового фокуса с жертвы на преступника снижает уровень обвинения, дают этому тезису эмпирическую опору: формулировки официальных сообщений о преступлении («он совершил насилие», а не «она подверглась насилию после того, как...») влияют на общественную реакцию.

Сопоставление норм УК, КоАП и УПК РК, применимых к виктимблеймингу

Для наглядности ниже приведено сопоставление рассмотренных норм по четырём критериям: правовая природа ответственности, необходимость установления конкретного автора высказывания, применимость к массовому обвинению со стороны многих комментаторов и практическая доступность механизма для самого пострадавшего.

Таблица 1

Сопоставление норм законодательства Республики Казахстан, применимых к виктимблеймингу в социальных сетях

Норма	Правовая природа	Нужен ли идентифицированный автор	Применима ли к массовому виктимблеймингу	Доступность для потерпевшего
Ст. 131 УК РК «Оскорбление»	Уголовная	Да	Практически нет — рассчитана на единичный акт	Низкая: требует заявления в отношении конкретного лица
Ст. 73-3 КоАП РК «Клевета»	Административная (с 27.06.2020)	Да	Нет	Средняя: административная процедура проще уголовной, но также требует установления автора
Ст. 71 УПК РК (права потерпевшего)	Процессуальная	Не применимо — регулирует статус потерпевшего в деле	Нет — касается участников процесса, комментаторов	Высокая внутри дела, но не распространяется на соцсети

Норма	Правовая природа	Нужен ли идентифицированный автор	Применима ли к массовому виктимблеймингу	Доступность для потерпевшего
Гражданско-правовая защита чести и достоинства	Гражданско-правовая	Да	Нет — иск подаётся конкретному ответчику	Низкая: требует самостоятельного обращения в суд и издержек

Примечание. Составлено авторами на основе Уголовного кодекса Республики Казахстан (ст. 131), Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (ст. 73-3), Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (ст. 71) и Гражданского кодекса Республики Казахстан (ст. 143) по состоянию на 2026 год.

Как видно из таблицы, все четыре доступных правовых инструмента объединяет одно структурное ограничение — необходимость установления конкретного автора высказывания. Именно это ограничение, а не отсутствие норм как таковых, составляет основной практический барьер для пострадавших от виктимблейминга в социальных сетях, что согласуется с выводом, сформулированным в подразделе «Пределы действующего правового регулирования».

Отдельного разбора заслуживает буквальная формулировка ст. 131 УК РК: уголовно наказуемым признаётся «унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Ключевым элементом состава является неприличная форма высказывания — грубая, нецензурная или оскорбительная по стилистике. Отсюда следует, что подавляющее большинство типичных виктимблеймющих комментариев («сама виновата», «о чём она думала, когда так одевалась», «зачем вообще туда пошла») формально не образуют состава ст. 131 УК РК, поскольку по форме являются оценочными суждениями (категория (б)), а не оскорблением в уголовно-правовом смысле: они порицаемы этически, но данной нормой не преследуются. Этот вывод не следует расценивать как пробел уголовного закона: ограничение ответственности неприличной формой высказывания отражает сознательный баланс между защитой достоинства личности и свободой выражения мнения. Он означает лишь, что вред от правомерных оценочных суждений должен предупреждаться не уголовно-правовыми, а процессуальными и организационными средствами.

Международные стандарты защиты от вторичной виктимизации и практика ЕСПЧ

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что в международном и европейском праве защита от вторичной виктимизации сформулирована как самостоятельная обязанность государства. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (ООН, 1985) требует обращаться с жертвами с состраданием и уважением к их достоинству (п. 4) и принимать меры по защите их частной жизни (п. 6 d). Директива 2012/29/ЕС закрепляет право жертв на защиту от вторичной и повторной виктимизации (ст. 18), обязывает государства защищать их частную жизнь и поощрять саморегулирование СМИ в этой сфере (ст. 21), а также обеспечивать подготовку полицейских, прокуроров и судей по вопросам обращения с жертвами (ст. 25). Стамбульская конвенция (2011) допускает использование в суде сведений о сексуальном прошлом и поведении жертвы лишь в случаях, когда это относимо и необходимо (ст. 54). Директива

(ЕС) 2024/1385 впервые на уровне ЕС установила уголовную ответственность за отдельные формы кибернасилия — в том числе киберпреследование и кибердомогательство — и предусмотрела меры по оперативному удалению соответствующих онлайн-материалов.

Европейский суд по правам человека последовательно рассматривает вторичную виктимизацию в рамках позитивных обязательств государства по ст. 8 Конвенции (право на уважение частной жизни). В деле *Y. v. Slovenia* (2015) Суд признал нарушение ст. 8 в связи с тем, что заявительница, на момент событий несовершеннолетняя, была лично допрошена обвиняемым, который задавал ей унижительные вопросы, а национальные органы не обеспечили защиту её личной неприкосновенности в ходе процесса. В деле *J.L. v. Italy* (2021) Суд впервые прямо квалифицировал как нарушение ст. 8 формулировки самого судебного акта: апелляционный суд, оправдав обвиняемых в групповом изнасиловании, приводил не относящиеся к делу суждения о личной жизни, сексуальности и «нелинейном» образе жизни заявительницы. ЕСПЧ указал, что суды обязаны избегать воспроизведения гендерных стереотипов и не подвергать жертв вторичной виктимизации через язык судебных решений. Наконец, в деле *Delfi AS v. Estonia* (2015) Большая палата признала совместимой со ст. 10 Конвенции ответственность крупного новостного портала за явно противоправные анонимные комментарии пользователей, которые он своевременно не удалил. Из этого решения вытекает, что возложение на операторов платформ обязанностей по модерации очевидно незаконного контента не противоречит свободе выражения мнения при соблюдении принципа соразмерности.

Хотя эти стандарты не являются для Казахстана обязательными, они ценны как ориентир по двум причинам. Прежде всего, в них защита от вторичной виктимизации закреплена как самостоятельная обязанность государства, а не только как этическое пожелание. Помимо этого, они смещают акцент с наказания отдельных комментаторов на процедурные меры: подготовку правоприменителей, требования к языку процессуальных документов, механизмы уведомления платформ. Как раз такие меры проще всего реализовать в казахстанских условиях без расширения репрессивного инструментария.

Опыт Республики Узбекистан и государств СНГ

Не менее ценен для казахстанского правоприменителя опыт государств, близких по правовой традиции, языку и социокультурным установкам. В отличие от стандартов Совета Европы, решения, выработанные в государствах СНГ, формировались в сопоставимых институциональных условиях и потому легче поддаются адаптации.

Наиболее последовательную реформу в регионе провела Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» закрепил за жертвой право на бесплатную правовую, социальную, психологическую и медицинскую помощь, на получение охрannого ордера и на возмещение материального и морального вреда с освобождением от уплаты государственной пошлины (ст. 4), предусмотрел создание специальных центров помощи жертвам (ст. 27) и отдельную гарантию конфиденциальности сведений о пострадавшей (ст. 30). Для темы настоящей статьи существенно, что закон прямо включает в понятие преследования действия, совершаемые посредством сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет (ст. 3), то есть признаёт цифровую среду самостоятельным пространством причинения вреда.

Законом Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 реформа была продолжена: введена уголовная ответственность за домашнее насилие (ст. 126-1 УК Республики Узбекистан), охватывающая, помимо физического насилия, унижение,

запугивание и изоляцию пострадавшей, а также за распространение изображений интимного характера без согласия лица или угрозу такого распространения (ст. 141-3 УК); установлена административная ответственность за сексуальные домогательства (ст. 41-1 КоАО) и за менее тяжкие формы домашнего насилия (ст. 59-2 КоАО); срок действия охрannого ордера по решению суда увеличен с 30 дней до одного года (Gazeta.uz, 2023). Разъяснения по применению новых норм даны постановлением Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 года № 30. Особый интерес представляет ст. 141-3 УК: она криминализирует одну из наиболее тяжёлых форм цифровой вторичной виктимизации — публичное «разоблачение» пострадавшей через распространение интимных материалов, — которая в казахстанском праве охватывается лишь общими нормами о неприкосновенности частной жизни.

Иначе, чем в Казахстане, решён в Узбекистане и вопрос о защите чести и достоинства. Клевета (ст. 139 УК Республики Узбекистан) и оскорбление (ст. 140 УК) сохранили уголовно-правовой характер, хотя в декабре 2020 года лишение свободы было исключено из их санкций; при этом размещение порочащих или оскорбительных сведений в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или сети Интернет прямо выделено в качестве квалифицирующего признака (Gazeta.uz, 2020). Такая конструкция признаёт повышенную общественную опасность онлайн-высказываний, но, подобно казахстанской модели, предполагает установление конкретного автора и потому не решает проблему массового анонимного виктимблейминга.

Опыт Узбекистана высвечивает и пределы чисто законодательного решения. Шамсидинов и Холмирзаев (2024), проанализировав 10 462 административных и уголовных дела за апрель–декабрь 2023 года, установили, что суды нередко расценивают насилие как «семейное дело», в 28% случаев освобождают правонарушителя от ответственности со ссылкой на малозначительность, а в ряде дел к ответственности за домашнее насилие привлекаются сами пострадавшие, ответившие обидчику оскорблением или защищавшиеся физически. Перед нами наглядная форма институционального виктимблейминга: норма, созданная для защиты пострадавшей, в правоприменении оборачивается против неё, что согласуется с зарубежными данными о воспроизводстве обвиняющих установок внутри системы правосудия (Maier, 2008; Campbell, 2008).

В других государствах СНГ акценты расставлены иначе. Кыргызская Республика Законом от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» предоставила право сообщать о насилии любому лицу, которому о нём известно, что снимает с пострадавшей бремя единоличного обращения и ослабляет давление со стороны окружения, а также ввела программы коррекции поведения лиц, совершивших насилие (UN Women, 2017). В Российской Федерации специальный закон о профилактике семейно-бытового насилия так и не принят, а побои в отношении близких лиц в 2017 году декриминализованы (Ворошилова & Музыканкина, 2019); защита потерпевшего от вторичной виктимизации обеспечивается преимущественно процессуальными средствами — возможностью закрытого судебного разбирательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы (п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), сохранением в тайне данных о личности потерпевшего (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а также разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 о гарантиях участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

На наднациональном уровне важной вехой стал модельный закон МПА СНГ «О противодействии семейно-бытовому насилию», разработанный по инициативе Сената

Парламента Республики Казахстан, одобренный Постоянной комиссией МПА СНГ по правовым вопросам в ноябре 2025 года в Душанбе и принятый 22 мая 2026 года (Tengrinews.kz, 2025; Межпарламентская Ассамблея СНГ, 2026). Не обладая обязательной силой, модельный акт тем не менее формирует общую для региона понятийную основу и может служить площадкой для согласованного закрепления в национальном законодательстве гарантий недопущения вторичной виктимизации, в том числе в её онлайн-формах.

Проведённое сопоставление приводит к трём выводам. Общим для региона является то, что ни одно из рассмотренных государств СНГ не выделяет виктимблейминг в самостоятельный объект регулирования: защита строится через общие нормы о чести и достоинстве, специальное законодательство о насилии и процессуальные гарантии. В то же время узбекистанский опыт — прямое упоминание сети Интернет в определении преследования, криминализация распространения интимных изображений без согласия, гарантия конфиденциальности сведений о пострадавшей и длительный охранный ордер — демонстрирует точечные решения, учитывающие цифровое измерение вреда без введения широкого состава, способного ограничить свободу выражения мнения, и может рассматриваться как ориентир для Казахстана. Наконец, узбекистанская правоприменительная практика служит предостережением: без изменения установок самих правоприменителей даже прогрессивные нормы воспроизводят виктимблейминг, а значит, подготовка следователей, прокуроров и судей приобретает первостепенное значение.

Обсуждение результатов и практические предложения

Полученные результаты подкрепляют основной аргумент статьи: правовой инструментарий Республики Казахстан сформирован для защиты от традиционных, идентифицируемых форм посягательства и недостаточно адаптирован к распределённому, массовому и анонимному характеру виктимблейминга в социальных сетях. Речь идёт не о правовом вакууме, а о структурном несоответствии между природой вреда и устройством доступных средств защиты.

Новизна исследования заключается в том, что в нём впервые систематизирован действующий правовой инструментарий РК применительно к виктимблеймингу в социальных сетях, проведено разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий, соединены юридический и психологический подходы в единую аналитическую рамку, а казахстанское регулирование сопоставлено с международными стандартами, практикой ЕСПЧ и опытом государств СНГ, в первую очередь Республики Узбекистан. Практическая значимость работы состоит в возможности её использования сотрудниками правоохранительных органов, и в первую очередь органов прокуратуры, при выработке позиции по обращениям пострадавших, подвергшихся обвинению в онлайн-пространстве.

По мнению авторов, зарубежная литература (в частности, Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002) справедливо описывает вторичную виктимизацию как результат институционального взаимодействия, однако недооценивает специфику горизонтальной вторичной виктимизации. В отличие от полиции, суда или медицинского учреждения, анонимный комментатор в социальной сети не обладает над пострадавшим ни процессуальной, ни фактической властью, а его высказывание причиняет вред не через отказ в помощи или недоверие должностного лица, а через простое умножение однотипных реакций. Именно этот количественный, кумулятивный механизм — подтверждаемый данными о приоритетном распространении эмоционально заряженных и обвиняющих сообщений (Brady et al., 2017;

Stubbs-Richardson et al., 2018) — образует специфику цифрового виктимблейминга и должен рассматриваться отдельно от классической модели вторичной виктимизации. Отсюда практический вывод: меры противодействия должны быть направлены не на пресечение отдельных высказываний (что при их анонимности и множественности малоэффективно), а на снижение совокупного эффекта — модерацию потока комментариев, оперативную поддержку пострадавшего и просветительскую работу.

Сопоставление с механизмами противодействия иным формам вредоносного контента

Показательным для оценки зрелости правового регулирования является сравнение с тем, как казахстанское законодательство реагирует на иные категории вредоносного онлайн-контента. В Республике Казахстан сформирован относительно развитый инструментарий противодействия экстремистским и террористическим материалам, заведомо ложной информации, а также контенту, посягающему на права несовершеннолетних, включающий административные механизмы ограничения доступа и взаимодействие уполномоченных органов с операторами платформ. Следовательно, государство обладает институциональными и технологическими возможностями для оперативного реагирования на определённые категории онлайн-контента, когда это признаётся приоритетом.

Виктимблейминг в этот круг приоритетов пока не включён, хотя его последствия для конкретного пострадавшего, согласно рассмотренной литературе, могут быть не менее травматичными. Это расхождение представляется не столько сознательным решением законодателя, сколько следствием того, что виктимблейминг долгое время воспринимался как побочный эффект свободной общественной дискуссии, а не как самостоятельная проблема. Именно в изменении этой оптики — от «естественной реакции общественности» к «фактору, требующему проактивного реагирования» — состоит ключевая рекомендация работы.

Вместе с тем перенос механизмов ограничения доступа, созданных для противодействия экстремизму и терроризму, на сферу виктимблейминга не может быть автоматическим: такие механизмы предполагают высокую степень вмешательства в свободу выражения мнения и оправданы исключительной общественной опасностью соответствующего контента. Для виктимблейминга, представляющего собой преимущественно оценочные высказывания, более соразмерным представляется не расширение репрессивного инструментария, а развитие облегчённых, ориентированных на пострадавшего процедур — упрощённой жалобы на платформе, институциональной поддержки при обращении к администрации ресурса, разъяснительной работы — в сочетании с точечным применением существующих норм о защите чести и достоинства в наиболее грубых случаях. Европейская модель, основанная на механизме уведомления и «доверенных сигнализаторах» (Регламент (ЕС) 2022/2065, ст. 16, 22), и логика решения ЕСПЧ по делу *Delfi AS v. Estonia* доказывают, что такой баланс достижим без избыточных ограничений свободы слова.

Отдельного внимания заслуживает роль органов прокуратуры. В отличие от специализированных подразделений по противодействию экстремистскому контенту, в структуре прокуратуры Республики Казахстан не выделено направление, ответственное за реагирование на случаи публичного обвинения пострадавших в резонансных делах. Формирование соответствующей практики — даже без введения нового состава — могло бы включать методические рекомендации нижестоящим прокуратурам по внесению актов прокурорского надзора в адрес медиаресурсов и операторов платформ в наиболее вопиющих случаях, а также по формулировкам собственных процессуальных документов и публичных

комментариев. Подход ЕСПЧ в деле *J.L. v. Italy*, распространивший требование недопущения вторичной виктимизации на язык судебных актов, может служить ориентиром и для формулировок обвинительных документов.

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики

С учётом проведённого разграничения предложения сформулированы так, чтобы не превращать виктимблейминг в самостоятельный состав правонарушения, а усилить правовые гарантии потерпевшего там, где действующие нормы уже применимы либо где пробел носит процедурный характер.

1. Гарантия недопущения вторичной виктимизации в УПК РК. Предлагается дополнить ст. 71 УПК РК правом потерпевшего на защиту от вторичной виктимизации в ходе уголовного процесса, а нормы о допросе потерпевшего — правилом о недопустимости вопросов о его прошлом сексуальном поведении, внешнем виде и образе жизни, если они не имеют прямого отношения к обстоятельствам дела (по образцу ст. 54 Стамбульской конвенции и с учётом подхода ЕСПЧ в деле *Y. v. Slovenia*). Такой запрет обладает процессуальными последствиями: вопрос, заданный вопреки ему, подлежит снятию председательствующим, а действия должностного лица — обжалованию.

2. Конфиденциальность сведений о личности потерпевшего. Возможность закрытого судебного разбирательства (ч. 2 ст. 29 УПК РК) предлагается дополнить прямым запретом для органов, ведущих уголовный процесс, раскрывать в официальных сообщениях без согласия потерпевшего сведения, позволяющие установить его личность, по делам о насильственных преступлениях и преступлениях против половой неприкосновенности — по аналогии со ст. 30 Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-561 и ст. 21 Директивы 2012/29/ЕС. Применительно к наиболее тяжёлой форме цифровой вторичной виктимизации — распространению интимных изображений пострадавшей — заслуживает изучения опыт ст. 141-3 УК Республики Узбекистан.

3. Разъяснения Верховного Суда РК. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3 предлагается дополнить разъяснением критериев разграничения оценочных суждений, утверждений о фактах, оскорбления и клеветы применительно к высказываниям о потерпевших, в том числе в сетях телекоммуникаций, а также указанием на недопустимость воспроизведения в судебных актах гендерных стереотипов и оценочных суждений о поведении потерпевшего (*J.L. v. Italy*).

4. Процедура для пострадавших в законодательстве об онлайн-платформах. Закон РК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» предлагается дополнить нормой о приоритетном рассмотрении владельцами онлайн-платформ обращений потерпевших от уголовных правонарушений (их представителей) в отношении контента, содержащего порочащие сведения, оскорбления или сведения о частной жизни потерпевшего, с возможностью подачи таких обращений аккредитованными организациями поддержки пострадавших по модели «доверенных сигнализаторов» (ст. 22 Регламента (ЕС) 2022/2065). Предложение касается исключительно контента категорий (в)–(д) и не затрагивает правомерных оценочных суждений.

5. Правовая помощь по делам частного обвинения. Поскольку дела об оскорблении относятся к делам частного обвинения, предлагается закрепить право потерпевшего по делу

о насильственном преступлении на гарантированную государством юридическую помощь при подаче жалобы по ст. 131 УК РК или иска о защите чести и достоинства в связи с высказываниями о нём, связанными с этим делом.

6. *Ведомственное регулирование в органах прокуратуры.* В пределах полномочий Генеральной прокуратуры предлагается закрепить в ведомственных актах требования к языку процессуальных документов и публичных сообщений по делам о насилии — исключение оценок поведения потерпевшего и языковой фокус на действия обвиняемого (Niemi & Young, 2016), — а также включить в программы профессиональной подготовки прокуроров и следователей модуль о вторичной виктимизации и технике допроса потерпевших (ст. 25 Директивы 2012/29/ЕС).

Просветительские меры — развитие медиаграмотности и культуры комментирования — остаются необходимым дополнением к перечисленным предложениям, однако правовых гарантий не заменяют и потому в их число не включены.

Заключение

Проведённый анализ показал, что виктимблейминг в социальных сетях представляет собой устойчивый, психологически объяснимый феномен, который, будучи усиленным архитектурой платформ, способен причинять пострадавшему реальный, юридически значимый вред. Правовая система Республики Казахстан располагает инструментарием для защиты чести, достоинства и процессуальных прав потерпевших, однако он был сформирован для иных, доцифровых форм посягательства и потому охватывает явление лишь частично.

Отвечая на исследовательский вопрос, можно заключить: нормы действующего законодательства Республики Казахстан по своей конструкции охватывают лишь те формы виктимблейминга, которые отвечают признакам распространения порочащих сведений, оскорбления или клеветы либо нарушают неприкосновенность частной жизни. Преобладающие оценочные суждения о поведении пострадавшего остаются за пределами правового регулирования, что отражает оправданный баланс со свободой выражения мнения, но не устраняет их травмирующего эффекта. Сравнение с международными стандартами (Директива 2012/29/ЕС, практика ЕСПЧ, Регламент ЕС о цифровых услугах) и с опытом государств СНГ (в особенности Республики Узбекистан) позволяет утверждать, что снижение риска вторичной виктимизации требует не новых запретительных норм, а процессуальных гарантий потерпевшего, конфиденциальности сведений о нём, разъяснений высшей судебной инстанции, процедур взаимодействия с онлайн-платформами и подготовки правоприменителей.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: эмпирическое изучение распространённости виктимблейминга в казахстанском сегменте социальных сетей методами контент-анализа; анализ правоприменительной практики (судебных актов, материалов прокурорского надзора, обращений потерпевших) для оценки эффективности рассмотренных правовых механизмов; углублённое сравнительно-правовое изучение правоприменительной практики государств СНГ, в частности Республики Узбекистан и Кыргызской Республики, и оценка возможности адаптации их решений, а также модельного закона МПА СНГ, в казахстанском законодательстве; анализ эффективности институциональных практик (в том числе внутриведомственных регламентов

коммуникации правоохранительных органов); а также изучение того, как воспринимают своё процессуальное положение сами пострадавшие, столкнувшиеся с публичным обсуждением своего дела.

Список литературы

- Ahrens, C. E. (2006). Being silenced: The impact of negative social reactions on the disclosure of rape. *American Journal of Community Psychology*, 38(3–4), 263–274. <https://doi.org/10.1007/s10464-006-9069-9>
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A., & Van Bavel, J. J. (2017). Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(28), 7313–7318. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618923114>
- Burt, M. R. (1980). Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(2), 217–230. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.217>
- Campbell, R. (2008). The psychological impact of rape victims' experiences with the legal, medical, and mental health systems. *American Psychologist*, 63(8), 702–717. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.8.702>
- Campbell, R., & Raja, S. (1999). Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence and Victims*, 14(3), 261–275.
- Citron, D. K. (2014). *Hate crimes in cyberspace*. Harvard University Press.
- Council of Europe. (2011). *Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence* (CETS No. 210).
- Delfi AS v. Estonia, No. 64569/09 (Eur. Ct. H.R. [GC], June 16, 2015).
- Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime. (2012). *Official Journal of the European Union*, L 315, 57–73.
- Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence. (2024). *Official Journal of the European Union*, L 2024/1385.
- Gazeta.uz. (2020, 21 декабря). Сенат одобрил отмену тюремного заключения за клевету. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/21/libel/>
- Gazeta.uz. (2023, 12 апреля). Как новый закон усилит защиту женщин и детей. Обзор документа. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/12/women-and-children/>
- Grubb, A., & Turner, E. (2012). Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*, 17(5), 443–452. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.06.002>
- Hafer, C. L., & Bègue, L. (2005). Experimental research on just-world theory: Problems, developments, and future challenges. *Psychological Bulletin*, 131(1), 128–167. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.1.128>
- Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603–614. <https://doi.org/10.1037/emo0000056>
- Herman, J. L. (2005). Justice from the victim's perspective. *Violence Against Women*, 11(5), 571–602. <https://doi.org/10.1177/1077801205274450>
- J.L. v. Italy, No. 5671/16 (Eur. Ct. H.R., May 27, 2021).
- Lerner, M. J. (1980). *The belief in a just world: A fundamental delusion*. Plenum Press.

- Lerner, M. J., & Simmons, C. H. (1966). Observer's reaction to the "innocent victim": Compassion or rejection? *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 203–210. <https://doi.org/10.1037/h0023562>
- Lisak, D., Gardinier, L., Nicksa, S. C., & Cote, A. M. (2010). False allegations of sexual assault: An analysis of ten years of reported cases. *Violence Against Women*, 16(12), 1318–1334. <https://doi.org/10.1177/1077801210387747>
- Lonsway, K. A., & Fitzgerald, L. F. (1994). Rape myths: In review. *Psychology of Women Quarterly*, 18(2), 133–164. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1994.tb00448.x>
- Maier, S. L. (2008). "I have heard horrible stories . . .": Rape victim advocates' perceptions of the revictimization of rape victims by the police and medical system. *Violence Against Women*, 14(7), 786–808. <https://doi.org/10.1177/1077801208320245>
- Niemi, L., & Young, L. (2016). When and why we see victims as responsible: The impact of ideology on attitudes toward victims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42(9), 1227–1242. <https://doi.org/10.1177/0146167216653933>
- Orth, U. (2002). Secondary victimization of crime victims by criminal proceedings. *Social Justice Research*, 15(4), 313–325. <https://doi.org/10.1023/A:1021210323461>
- Ryan, W. (1971). *Blaming the victim*. Pantheon Books.
- Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). (2022). *Official Journal of the European Union*, L 277, 1–102.
- Stubbs-Richardson, M., Rader, N. E., & Cosby, A. G. (2018). Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. *Feminism & Psychology*, 28(1), 90–108. <https://doi.org/10.1177/0959353517715874>
- Suarez, E., & Gadalla, T. M. (2010). Stop blaming the victim: A meta-analysis on rape myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 25(11), 2010–2035. <https://doi.org/10.1177/0886260509354503>
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Tengrinews.kz. (2025). Инициированный Казахстаном закон о семейно-бытовом насилии одобрили в МПА СНГ. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/itsiirrovannyiy-kazakhstanom-zakon-semeyno-byitovom-nasilii-585686/
- Thacker, L. K., & Day, L. (2017). Rape culture, victim blaming, and the role of media in the criminal justice system. *Kentucky Journal of Undergraduate Scholarship*, 1(1), Article 8. <https://encompass.eku.edu/kjus/vol1/iss1/8>
- Ullman, S. E. (1996). Social reactions, coping strategies, and self-blame attributions in adjustment to sexual assault. *Psychology of Women Quarterly*, 20(4), 505–526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>
- UN Women. (2017). В Кыргызстане принят новый прогрессивный закон о борьбе с бытовым насилием. <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2017/05/news-new-progressive-law-on-domestic-violence-adopted-in-kyrgyzstan>
- United Nations General Assembly. (1985). Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power (A/RES/40/34).
- Van der Bruggen, M., & Grubb, A. (2014). A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of latent and manifest rape myths on rape victim blaming through the perspective of a new taxonomy. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), 523–531. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.008>

- Y. v. Slovenia, No. 41107/10 (Eur. Ct. H.R., May 28, 2015).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2026). Нормативное постановление от 20 мая 2026 года № 3 «О применении судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации».
- Верховный суд Республики Узбекистан. (2023). Постановление Пленума от 20 ноября 2023 года № 30 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан по административным и уголовным делам...». <https://lex.uz/ru/docs/6683556>
- Ворошилова, С. В., & Музыканкина, Ю. А. (2019). Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 4(129), 15–22.
- Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). (1994). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Гулевич, О. А. (2017). Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета.
- Ершова, Е. Н., & Айвазова, С. Г. (2013). Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно-методическое пособие (3-е изд.).
- Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». (2017).
- Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе». (2023). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». (2019). <https://lex.uz/docs/4494712>
- Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей». (2023). <https://lex.uz/docs/6430278>
- Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях № 235-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 20 августа 2026 года, включая ст. 73-3 «Клевета» в редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 95-VIII.
- Конституция Республики Казахстан. (2026). Принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, вступила в силу 1 июля 2026 года.
- Лофиченко, О. П., & Колесник, И. И. (2018). Виктимблейминг как социокультурное явление в современной России. В Материалы научной конференции с международным участием «Неделя науки СПбПУ». Гуманитарный институт (с. 253–255). Издательство Политехнического университета.
- Майдикова, А. И. (2019). О проблеме виктимблейминга в отношении жертв преступлений. Виктимология, 4(22), 94–99.
- Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. (2026). Модельный закон «О противодействии семейно-бытовому насилию» (принят 22 мая 2026 года). https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
- Пленум Верховного Суда Российской Федерации. (2010). Постановление от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».
- Ресурсный центр по защите прав жертв насилия. (б. г.). Материалы по защите прав жертв

- насилия в Казахстане. <https://drfl.kz>
- Русакова, В. (2020, 8 сентября). В Казахстане существует уголовная статья за оскорбления. Как она работает? Masa Media. <https://masa.media/ru/site/azastanda-orlaua-atysty-ylmysty-bap-bar-ol-ay-kezde-oldanylady>
- Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 12 августа 2026 года.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ. (2001). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год, включая Закон РК от 27 июня 2020 года о декриминализации клеветы и Закон РК от 19 июня 2024 года № 94-VIII.
- Христенко, В. Е. (2004). Психология поведения жертвы. Феникс.
- Шамсидинов, З., & Холмирзаев, У. (2024, 13 мая). Закон, призванный защищать женщин от насилия, одновременно служит и для их наказания. Gazeta.uz. <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/13/domestic-violence/>
- drfl.kz. (б. г.). Цифровой виктимблейминг против женщин. <https://drfl.kz>
- factcheck.kz. (2024). «Спровоцировала»: как казахстанцы обвиняют жертв насилия в соцсетях. <https://factcheck.kz>
- Human Rights Watch. (2024). «Закон Салтанат»: что изменится для жертв домашнего насилия в Казахстане.
- informburo.kz. (2024). «Закон Салтанат», или Почему в Казахстане ужесточили законодательство о домашнем насилии. <https://informburo.kz/cards/zakon-saltanat-ili-pocemu-v-kazaxstane-uzestocili-zakonodatelstvo-o-domasnem-nasilii>

References

- Ahrens, C. E. (2006). Being silenced: The impact of negative social reactions on the disclosure of rape. *American Journal of Community Psychology*, 38(3–4), 263–274. <https://doi.org/10.1007/s10464-006-9069-9>
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A., & Van Bavel, J. J. (2017). Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(28), 7313–7318. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618923114>
- Burt, M. R. (1980). Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(2), 217–230. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.217>
- Campbell, R. (2008). The psychological impact of rape victims' experiences with the legal, medical, and mental health systems. *American Psychologist*, 63(8), 702–717. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.8.702>
- Campbell, R., & Raja, S. (1999). Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence and Victims*, 14(3), 261–275.
- Citron, D. K. (2014). *Hate crimes in cyberspace*. Harvard University Press.
- Council of Europe. (2011). Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (CETS No. 210).
- Delfi AS v. Estonia, No. 64569/09 (Eur. Ct. H.R. [GC], June 16, 2015).

- Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence. (2024). Official Journal of the European Union, L 2024/1385.
- Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime. (2012). Official Journal of the European Union, L 315, 57–73.
- drfl.kz. (b. g.). Cifrovoj viktimblejming protiv zhenshhin. <https://drfl.kz>
- Ershova, E. N., & Ajvazova, S. G. (2013). Domashnee nasilie: social'no-pravovoj aspekt: uchebno-metodicheskoe posobie (3-e izd.).
- factcheck.kz. (2024). «Sprovocirovala»: kak kazahstancy obvinjajut zhertv nasiliya v socsetjah. <https://factcheck.kz>
- Gazeta.uz. (2020, 21 dekabrja). Senat odobril otmenu tjuremnogo zakljuchenija za klevetu. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/21/libel/>
- Gazeta.uz. (2023, 12 aprelja). Kak novyj zakon usilit zashhitu zhenshhin i detej. Obzor dokumenta. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/12/women-and-children/>
- Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). (1994). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Grubb, A., & Turner, E. (2012). Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*, 17(5), 443–452. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.06.002>
- Gulevich, O. A. (2017). Psihologija mezhgruppovyh otnoshenij: uchebnik dlja bakalavriata i specialiteta.
- Hafer, C. L., & Bègue, L. (2005). Experimental research on just-world theory: Problems, developments, and future challenges. *Psychological Bulletin*, 131(1), 128–167. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.1.128>
- Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603–614. <https://doi.org/10.1037/emo0000056>
- Herman, J. L. (2005). Justice from the victim's perspective. *Violence Against Women*, 11(5), 571–602. <https://doi.org/10.1177/1077801205274450>
- Hristenko, V. E. (2004). Psihologija povedenija zhertvy. Feniks.
- Human Rights Watch. (2024). «Zakon Saltanat»: chto izmenitsja dlja zhertv domashnego nasiliya v Kazahstane.
- informburo.kz. (2024). «Zakon Saltanat», ili Pochemu v Kazahstane uzhestochili zakonodatel'stvo o domashnem nasilii. <https://informburo.kz/cards/zakon-saltanat-ili-pocemu-v-kazaxstane-uzestocili-zakonodatelstvo-o-domasnem-nasilii>
- J.L. v. Italy, No. 5671/16 (Eur. Ct. H.R., May 27, 2021).
- Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarushenijah № 235-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 20 avgusta 2026 goda, vkljuchaja st. 73-3 «Kleveta» v redakcii Zakona RK ot 19 ijunja 2024 goda № 95-VIII.
- Konstitucija Respubliki Kazahstan. (2026). Prinjata na respublikanskom referendume 15 marta 2026 goda, vstupila v silu 1 ijulja 2026 goda.
- Lerner, M. J. (1980). The belief in a just world: A fundamental delusion. Plenum Press.
- Lerner, M. J., & Simmons, C. H. (1966). Observer's reaction to the “innocent victim”: Compassion or rejection? *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 203–210. <https://doi.org/10.1037/h0023562>
- Lisak, D., Gardinier, L., Nicksa, S. C., & Cote, A. M. (2010). False allegations of sexual assault: An

- analysis of ten years of reported cases. *Violence Against Women*, 16(12), 1318–1334. <https://doi.org/10.1177/1077801210387747>
- Lofichenko, O. P., & Kolesnik, I. I. (2018). Viktimblejming kak sociokul'turnoe javlenie v sovremennoj Rossii. V *Materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Nedelja nauki SPbPU»*. Gumanitarnyj institut (s. 253–255). Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta.
- Lonsway, K. A., & Fitzgerald, L. F. (1994). Rape myths: In review. *Psychology of Women Quarterly*, 18(2), 133–164. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1994.tb00448.x>
- Maier, S. L. (2008). “I have heard horrible stories . . .”: Rape victim advocates' perceptions of the revictimization of rape victims by the police and medical system. *Violence Against Women*, 14(7), 786–808. <https://doi.org/10.1177/1077801208320245>
- Majdikova, A. I. (2019). O probleme viktimblejminga v otnoshenii zhertv prestuplenij. *Viktimologija*, 4(22), 94–99.
- Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv — uchastnikov SNG. (2026). Model'nyj zakon «O protivodejstvii semejno-bytovomu nasiliyu» (prinjat 22 maja 2026 goda). https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
- Niemi, L., & Young, L. (2016). When and why we see victims as responsible: The impact of ideology on attitudes toward victims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42(9), 1227–1242. <https://doi.org/10.1177/0146167216653933>
- Orth, U. (2002). Secondary victimization of crime victims by criminal proceedings. *Social Justice Research*, 15(4), 313–325. <https://doi.org/10.1023/A:1021210323461>
- Plenum Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. (2010). Postanovlenie ot 29 ijunja 2010 goda № 17 «O praktike primenenija sudami norm, reglamentirujushhih uchastie poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve».
- Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). (2022). *Official Journal of the European Union*, L 277, 1–102.
- Resursnyj centr po zashhite prav zhertv nasilija. (b. g.). Materialy po zashhite prav zhertv nasilija v Kazahstane. <https://drfl.kz>
- Rusakova, V. (2020, 8 sentjabrja). V Kazahstane sushhestvuet ugovnaja stat'ja za oskorblenija. Kak ona rabotaet? *Masa Media*. <https://masa.media/ru/site/azastanda-orlaua-atysty-ylmysty-bap-bar-ol-ay-kezde-oldanylady>
- Ryan, W. (1971). *Blaming the victim*. Pantheon Books.
- Shamsidinov, Z., & Holmirzaev, U. (2024, 13 maja). Zakon, prizvannyj zashhishhat' zhenshhin ot nasilija, odnovremenno sluzhit i dlja ih nakazanija. *Gazeta.uz*. <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/13/domestic-violence/>
- Stubbs-Richardson, M., Rader, N. E., & Cosby, A. G. (2018). Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. *Feminism & Psychology*, 28(1), 90–108. <https://doi.org/10.1177/0959353517715874>
- Suarez, E., & Gadalla, T. M. (2010). Stop blaming the victim: A meta-analysis on rape myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 25(11), 2010–2035. <https://doi.org/10.1177/0886260509354503>
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Tengrinews.kz. (2025). Iniciirovannyj Kazahstanom zakon o semejno-bytovom nasilii odobrili v

- MPA SNG. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/itsirovannyiy-kazakhstanom-zakon-semeyno-byitovom-nasilii-585686/
- Thacker, L. K., & Day, L. (2017). Rape culture, victim blaming, and the role of media in the criminal justice system. *Kentucky Journal of Undergraduate Scholarship*, 1(1), Article 8. <https://encompass.eku.edu/kjus/vol1/iss1/8>
- Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan № 231-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 12 avgusta 2026 goda.
- Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii № 174-FZ. (2001). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan № 226-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god, vključaja Zakon RK ot 27 ijunja 2020 goda o dekriminalizacii klevety i Zakon RK ot 19 ijunja 2024 goda № 94-VIII.
- Ullman, S. E. (1996). Social reactions, coping strategies, and self-blame attributions in adjustment to sexual assault. *Psychology of Women Quarterly*, 20(4), 505–526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>
- UN Women. (2017). V Kyrgyzstane prinjat novyj progressivnyj zakon o bor'be s bytovym nasiliem. <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2017/05/news-new-progressive-law-on-domestic-violence-adopted-in-kyrgyzstan>
- United Nations General Assembly. (1985). Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power (A/RES/40/34).
- Van der Bruggen, M., & Grubb, A. (2014). A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of latent and manifest rape myths on rape victim blaming through the perspective of a new taxonomy. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), 523–531. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.008>
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2026). Normativnoe postanovlenie ot 20 maja 2026 goda № 3 «O primenении sudami zakonodatel'stva o zashhite česti, dostoinstva i delovoj reputacii».
- Verhovnyj sud Respubliki Uzbekistan. (2023). Postanovlenie Plenuma ot 20 nojabrja 2023 goda № 30 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye postanovlenija Plenuma Verhovnogo suda Respubliki Uzbekistan po administrativnym i ugolovnym delam...». <https://lex.uz/ru/docs/6683556>
- Voroshilova, S. V., & Muzykankina, Ju. A. (2019). Dekriminalizacija poboev: starye tradicii i sovremennye realii. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii*, 4(129), 15–22.
- Y. v. Slovenia, No. 41107/10 (Eur. Ct. H.R., May 28, 2015).
- Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 27 aprelja 2017 goda № 63 «Ob ohrane i zashhite ot semejnogo nasilija». (2017).
- Zakon Respubliki Kazahstan ot 10 ijulja 2023 goda № 18-VIII «Ob onlajn-platformah i onlajn-reklame». (2023). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Zakon Respubliki Uzbekistan ot 11 aprelja 2023 goda № ZRU-829 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Uzbekistan v svjazi s dal'nejšim sovershenstvovaniem sistemy nadezhnoj zashhity prav, svobod i zakonnyh interesov zhenshhin i detej». (2023). <https://lex.uz/docs/6430278>
- Zakon Respubliki Uzbekistan ot 2 sentjabrja 2019 goda № ZRU-561 «O zashhite zhenshhin ot pritesnenija i nasilija». (2019). <https://lex.uz/docs/4494712>

Виктимблейминг және жәбірленушілердің құқықтарын қорғау: құқықтық және әлеуметтік талдау

Аманлык Гулимов¹, Аружан Төрехан^{2*}

¹Бердақ атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университеті, Нукус, Өзбекістан

²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Астана, Қазақстан

*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Аннотация

Мақала әлеуметтік желілердегі виктимблеймингке — қылмыс үшін жауапкершілікті жәбірленушіге артуға — және оның қылмыстық процестегі жәбірленушілер құқықтарын жүзеге асыруға әсеріне арналған. Тақырыптың өзектілігі цифрлық платформалардың резонанстық қылмыстық істерді қоғамның қабылдауына ықпалының артуымен және қазақстандық әдебиетте бұл құбылысқа жүйелі құқықтық талдаудың болмауымен түсіндіріледі. Жұмыс ғылыми әдебиетті пәнаралық талдаумен толықтырылған доктриналық және салыстырмалы-құқықтық зерттеу ретінде орындалды. Виктимблеймингтің психологиялық механизмдері (әділ әлемге сену гипотезасы, зорлау туралы мифтер, желідегі тежеусіздік әсері) және оның қайта виктимизациямен байланысы қарастырылды. Виктимблейминг жәбірленушінің мінез-құлқы туралы бағалаушы пікірлерден, абыройды түсіретін мәліметтерді таратудан, қорлаудан және жала жабудан ажыратылып, Қазақстан Республикасының Қылмыстық, Әкімшілік құқық бұзушылық туралы, Азаматтық және Қылмыстық-процестік кодекстерінің нормалары талданды. Отандық реттеу 2012/29/ЕО Директивасымен, ЕО-ның Цифрлық қызметтер туралы регламентімен, Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың практикасымен, сондай-ақ Өзбекстан Республикасы мен басқа да ТМД елдерінің тәжірибесімен салыстырылды. Қолданыстағы нормалар виктимблеймингтің тек қорлау, жала жабу немесе жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзу белгілеріне сәйкес келетін нысандарын ғана қамтитыны және пікір авторын нақты анықтауды талап ететіні, бұл жаппай анонимді айыптаудан қорғауды қиындататыны анықталды. ҚР Қылмыстық-процестік кодексін, онлайн-платформалар туралы заңнаманы және прокуратура органдарының практикасын жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалды.

Кілт сөздер: виктимблейминг; жәбірленушілердің құқықтары; қайта виктимизация; әлеуметтік желілер; қылмыстық процесс

Victim-Blaming and the Protection of Victims' Rights: A Legal and Social Analysis

Amanlyk Gulimov¹, Aruzhan Torekhan^{2*}

¹Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan

²Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office, Astana, Kazakhstan

*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Abstract

This article examines victim-blaming—attributing responsibility for a crime to its victim—on social media and its effect on victims' rights in criminal proceedings. Its relevance stems from the growing

influence of digital platforms on public perceptions of high-profile criminal cases and the lack of systematic legal analysis of the phenomenon in Kazakhstani scholarship. The study is doctrinal and comparative legal research supplemented by an interdisciplinary literature review. It considers the psychological mechanisms of victim-blaming (the just-world hypothesis, rape myths, and the online disinhibition effect) and their link to secondary victimization. Victim-blaming is distinguished from evaluative opinions, the dissemination of defamatory information, insult, and defamation, and the relevant provisions of Kazakhstan's criminal, administrative, civil, and criminal procedure legislation are analyzed. Kazakhstani regulation is compared with Directive 2012/29/EU, the EU Digital Services Act, European Court of Human Rights case law, and the experience of Uzbekistan and other CIS states. Existing provisions are shown to cover only forms of victim-blaming amounting to insult, defamation, or invasion of privacy and to require identifying a specific author, which hinders protection against mass anonymous blaming. Proposals are offered for improving criminal procedure legislation, the law on online platforms, and prosecutorial practice.

Keywords: victim-blaming; victims' rights; secondary victimization; social media; criminal procedure

Дата поступления: 28 Сентябрь, 2026